Studia Culturae: Вып. 4 (46): Биографический метод как механизм передачи культурного кода. (Авто)биография vs история: С.Н. Зенкин С. 259-269.

С.Н. ЗЕНКИН

Доктор филологических наук
Российский государственный гуманитарный университет, Москва
Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

УДК 82-1/-9

ТРИ ТЕОРЕТИКА БИОГРАФИИ: ВИНОКУР, ЛОТМАН, ДУБИН

В статье сопоставлены теоретические работы, созданные в разное время тремя русскими учеными и посвященные проблеме биографии как опыта и текста: «Биография и культура» Григория Винокура, «Литературная биография в историко-культурном контексте» Юрия Лотмана и «Биография, репутация, анкета» Бориса Дубина. Биография, то есть нарративная текстуализация жизни индивида, предполагает трехфазный процесс: сначала человек сам каким-то особым способом проживает свою жизнь, затем общество оценивает, «прочитывает» его жизнь как связный сюжет, и наконец позднейшие (или современные) историки излагают ту же жизнь в повествовательной форме. Григорий Винокур, впоследствии известный лингвист, в 1927 году опубликовал небольшую монографию «Биография и культура», где указанная в заглавии проблема поставлена не в филологическом, а в философском плане, с опорой на новейшую феноменологическую философию (Винокур ссылается на Эдмунда Гуссерля и особенно на Густава Шпета, с которым он близко сотрудничал в те годы). С объективного описания событий автор переносит внимание на личный опыт, переживаемый героем. Юрий Лотман в статье «Литературная биография в историко-культурном контексте» (1986) изучает не феноменологический, а культурно-семиотический аспект биографии – условия, при которых чья-то индивидуальная жизнь, и прежде всего творческая жизнь в литературе, может стать предметом общественного внимания и рассказа, при которых литератор становится «писателем с биографией». Статья Бориса Дубина «Биография, репутация, анкета» (1995) отмечает возможность других – не-биографических – форм культурной интеграции индивидуального жизненного опыта: анкеты (ср. «послужной список» у Лотмана) и репутации (обобщенного образа данного лица; ср. «образ» биографируемого лица по Винокуру). В таких формах жизнь человека осмысливается извне, с точки зрения административных инстанций или же общественного мнения, и не может развернуться в повествование. Дубин выделяет некоторые объективно-социальные факторы, позволяющие людям противопоставлять себя господствующим общественным структурам: неофициальные, диссидентские общности, в рамках которых утверждают себя их члены, различные виды игрового поведения, отрицающего принятые нормы в самом акте их обыгрывания. Сопоставление трех

теоретиков призвано показать преемственность идей, а вместе с тем методологическое различие подходов, обусловленное дисциплинарной принадлежностью трех ученых (в данном случае это соответственно философская феноменология, семиотика культуры, социология культуры).
Ключевые слова: биография, теория, Винокур, Лотман, Дубин.

S.N. ZENKIN

Doctor of sciences (philology)
Russian State University for the Humanities, Moscow
Higher School of Economics, Saint Petersburg

THREE THEORISTS OF BIOGRAPHY: VINOKUR, LOTMAN, AND DUBIN

The article compares theoretical works written at different times by three Russian scholars and focusing on the problem of biography as experience and text: *Biography and Culture* by Grigory Vinokur, "Literary Biography in Historical and Cultural Context" by Yuri Lotman and "Biography, Reputation, Questionnaire" by Boris Dubin. Biography, that is, the narrative textualization of an one's life, presupposes a three-phase process: first, one lives his or her life in a special way, then society evaluates, "reads" this life as a coherent plot, and finally later (or modern) historians tell this life in a narrative form. Grigory Vinokur, later a well-known linguist, in 1927 published a small monograph *Biography and Culture*, where the problem indicated in the title is posed not in philological, but in philosophical terms, based on the recent phenomenological philosophy (Vinokur refers to Edmund Husserl and especially to Gustav Shpet, with whom he worked closely in those years). From an objective description of events, the author transfers attention to the personal experience lived out by the hero. Yuri Lotman in his article "Literary Biography in a Historical and Cultural Context" (1986) studies not the phenomenological, but the cultural and semiotic aspect of biography - the conditions under which someone's life, and especially creative life in literature, can become a subject of public attention and a story in which a writer becomes a "writer with a biography." Boris Dubin's article "Biography, Reputation, Questionnaire" (1995) notes the possibility of non-biographical forms of cultural integration of individual life experience: questionnaires (cf. Lotman's "track record") and reputation (generalized image of a given person). In such forms, one's life is interpreted from the outside, from the point of view of administrative authorities or public opinion, and cannot unfold into a narrative. Dubin singles out some objective social factors that allow people to oppose themselves to the dominant social structures: unofficial, dissident communities, various types of ludic behavior that deny accepted norms in the very act of playing with them. The comparison of the three authors tends to show a continuity of ideas, and at the same time a methodological difference in their approaches, due to the disciplinary affiliation of the three scholars (respectively philosophical phenomenology, semiotics of culture, sociology of culture).
Keywords: biography, theory, Vinokur, Lotman, Dubin.

Биография, то есть нарративная текстуализация жизни индивида, предполагает трехфазный процесс: сначала человек сам каким-то особым способом проживает свою жизнь, затем общество оценивает, «прочитывает» его жизнь как связный сюжет, и наконец позднейшие (или современные) историки излагают ту же жизнь в повествовательной форме. До некоторой степени – с перестановкой второго и третьего членов схемы – эти три фазы соответствуют трем формам мимесиса, которые Поль Рикёр выделял в любом повествовании: «мимесис I» структурирует сами события, происходящие с людьми, «мимесис II» - их текстуальное оформление в рассказе, а «мимесис III» - процесс их восприятия читателем этого рассказа [см. 11].

Три фазы «биографического процесса» были изучены по отдельности тремя русскими учеными XX века – филологом Григорием Осиповичем Винокуром (1896-1947), филологом и теоретиком культуры Юрием Михайловичем Лотманом (1922-1993), социологом и литературным критиком Борисом Владимировичем Дубиным (1946-2014).

Григорий Винокур, впоследствии известный лингвист, в 1927 году опубликовал небольшую монографию «Биография и культура», где указанная в заглавии проблема поставлена не в филологическом, а в философском плане, с опорой на новейшую философию жизни и феноменологию (Винокур ссылается на Эдмунда Гуссерля и особенно на Густава Шпета, с которым он близко сотрудничал в те годы). С объективного описания событий он переносит внимание на личный опыт, переживаемый героем. «Наиболее привычной формой биографии ... является такая, в которой речь идет не столько о переживаниях, сколько о *деятельности* данного лица» [1; С. 49][1], - Винокур же считает деятельность лишь частным, необязательным моментом личной жизни. Есть люди, отмечает он, о которых можно сказать: «Он мало сделал, но много жил» [1; С. 17]. Дела, поступки, внешние события существенны для личной жизни лишь постольку, поскольку как-то переживались индивидом: либо вызывали отклик с его стороны (это их *предикативная* функция), либо совершались им самим и тем самым выражали «стиль» его жизненного поведения (это их *экспрессивная* функция). Предикативную функцию могут выполнять даже такие события, в которых само данное лицо непосредственно не участвовало:

«С этой точки зрения смерть Наполеона есть столько же факт политической истории Европы, сколько факт личной жизни Пушкина, а уни-

[1] Здесь и далее выделения в цитатах принадлежат их авторам, если не оговорено иное.

чтожение крепостной зависимости в 1861 г. столько же фаза классовой борьбы в России, сколько событие в личной жизни Тургенева или Герцена» [1; С. 33].

Это превращение внешнего факта в «факт личной жизни» автор книги объясняет отчасти в понятиях современной ему формальной школы в литературоведении: «Личность здесь — словно художник, который лепит и чеканит в *форме* переживаний свою жизнь из *матерьяла* окружающей действительности» [1; С. 45, курсив мой]; но тут же, чуть выше, он апеллирует к другой интеллектуальной традиции: «переживание есть *внутренняя форма* биографической структуры» [1; С. 44-45]. Выделенный термин взят автором «из лингвистической традиции», однако в нем заметно и влияние Шпета, который в том же 1927 г. выпустил свою книгу «Внутренняя форма слова»[1].

Какой же может быть эта внутренняя форма жизни как биографии, переживаемой самим ее субъектом? Винокур предлагает для ее описания два понятия. Во-первых, это *синтаксис,* хорошо знакомый Винокуру-лингвисту и в данном случае структурирующий не словесный текст, а «развитие», становление личности, которое строится не из хронологических и не из эволюционных, а из логических отношений, позволяющих уяснить смысл происходящего:

«Мне непонятна, к примеру, немецкая или латинская фраза, пока я не добрался в ней до глагола, я не знаю, родительный или винительный передо мной падеж в русском языке, пока я не раскрою синтаксических отношений данного слова: точно так же непонятен мне Гете — автор Вертера, если я не знаю его как веймарского министра, и ничего не пойму я в ребенке-Лермонтове, пока не узнаю о “вечно-печальной дуэли” на склоне Машука. И если фраза, синтагма есть, в конце концов, то же слово, поскольку на нее без остатка переносятся все качества последнего, то и развитие есть не что иное, как только *синтаксически* (вовсе не *эволюционно*!) развернутая личность» [1; С. 40-41].

Во-вторых, завершенная жизнь индивида может воплощать некую общую философскую идею, и тогда она читается как *судьба:* «…мы можем говорить о судьбе как теоретическом начале в истории личной жизни» [1; С. 69]. Автор книги подчеркивает, что этот «внутренний закон» личности [1; С. 66], формирующийся в ее противоборстве с силами внешнего мира,

[1] О функционировании понятия «внутренняя форма» в «русской теории» 1920-х годов см. [4; С.: 338-354].

следует отличать от внешней причинно-следственной связи событий, которые с нею происходят[1].

В обоих определениях биографической внутренней формы нейтрализуется ее повествовательная специфика: действительно, синтаксис бывает не только у нарративных фраз, а судьба, вообще говоря, тоже не предполагает временной интеграции событий. Сосредоточившись на том, как биография *проживается*, Винокур оставляет за рамкой рассмотрения то, как она *рассказывается*. Внутренняя форма, организующая личный опыт человека, противостоит внешней форме биографии – образу, которым может обладать этот человек в глазах других. Винокур пользуется именно понятием «образ», а не «сюжет», неявно выбирая статичную, неповествовательную форму представления личности в культуре. С его точки зрения, временной разверткой обладает живой опыт человека, но не «стиль», которым он оформляется в культуре; действительно, стиль – не нарратологический термин, им характеризуются не только повествовательные тексты.

Винокур спорит с недавней статьей Б.В.Томашевского «Литература и биография» [7], где доказывалось, что личная жизнь писателя не во все эпохи существенна для литературы: такая личная жизнь, пишет Винокур, – не собственно опыт писателя, а лишь его внешняя проекция, «стилизация». «Когда Томашевский, различая поэтов “с биографией” и поэтов “без биографии”, утверждает, что только в первом случае историко-литературное изучение связывается с биографическими интересами, то он, собственно, *имеет дело вовсе не с биографией уже*» [1; С. 84, курсив мой]. Биографический опыт субъекта иногда, его собственными усилиями или без них, бывает «стилизован», представлен вовне как «образ», как «культурное амплуа», по выражению позднейшего исследователя [5; С. 367]; но изначально, сам по себе он есть у любого индивида, согласно Винокуру людей «без биографии» не бывает по определению.

В отличие от такого подхода, Юрий Лотман в статье «Литературная биография в историко-культурном контексте» (1986) продолжает как раз наблюдения Томашевского (хотя не ссылается на его старую статью). Его интересует не феноменологический, а культурно-семиотический аспект биографии – условия, при которых чья-то индивидуальная жизнь, и прежде всего творческая жизнь в литературе, может стать предметом обществен-

[1] Противопоставление причинности и судьбы должно было отсылать к книге Освальда Шпенглера «Закат Европы», которая была известна в советской России [8], но осуждалась как «реакционная», чем и может объясняться отсутствие ссылки на нее у Винокура.

ного внимания и рассказа, условия, при которых литератор становится «писателем с биографией».

Лотман мыслит жизнь индивида как аналог (или просто разновидность) культурного *текста.* Не все словесные продукты расцениваются культурой как тексты, заслуживающие сохранения[1], и точно такому же отбору подвергаются индивиды. Например, в средневековой и романтической культуре «носителями биографии» признавались люди исключительные, отступающие от нормы в лучшую или худшую сторону: «преступник, богатырь, юродивый, пророк» [5; С. 367].

«…Из всей массы людей, жизнь и деяния которых не делаются предметом описания и не вносятся в коллективную память, выбирается некто, имя и поступки которого сохраняются для потомков. Первые, с точки зрения текстов своей эпохи, как бы не существуют, вторым же приписывается существование. В код памяти вносятся только вторые. С этой точки зрения, только вторые “имеют биографию”» [5; С. 365-366].

Применительно к литературе и вообще художественному творчеству, этот механизм позволяет отличить *авторов* от *не-авторов.* Скандальные перебранки русских писателей XVIII века Лотман объясняет не моральными качествами их участников, а специфическим вопросом, который в них решался: «Речь идет о том, имеет ли данный автор право быть автором... *Литературный спор ставит вопрос о биографии писателя*» [5; С. 370]. Можно сказать, что писательская биография, как и литературная собственность, упомянутая в начале статьи Лотмана, суть разные проявления «авторской функции», как ее определял Мишель Фуко [10], причем в одних культурах она приписывается писателю извне – например, на основании его служебного положения в государстве, – а в других самостоятельно разрабатывается им на свой страх и риск.

Лотман исследует то, как и под влиянием каких факторов эта функция варьируется в истории литературы. В свое время Томашевский описывал такую вариативность как общекультурный процесс, где выделяются «эпохи индивидуализации творчества ... культивирующие субъективизм в художественной конструкции» [7; С. 6]. Лотман предлагает более специфическое объяснение, основанное на жанровом составе художественной литературы и ее отличии от других искусств: в русской культуре, отмечает он, «право на биографию» раньше возникло применительно к поэтам, чем к художникам, композиторам и артистам [5; С. 372]. Причиной тому об-

[1] «Текст как явление культуры...отличается от всей массы сообщений, с ее точки зрения текстами не являющихся…» [5; С. 368].

щий закон: «В архаических культурах и культурах средневековых тот, кто пишет биографию, сам биографии не имеет» [5; С. 367]. Этот старинный закон действует и в новоевропейской литературе, в разных формациях которой преобладает то лирика, то повествовательная проза. Поэт-лирик не сочиняет повествовательных текстов – и именно поэтому его собственная жизнь легко поддается нарративизации (часто легендарной, мифологизирующей) под пером биографа:

«Чем активнее выявлена биография у того, кому посвящен текст, тем меньше шансов «иметь биографию» у создателя текста. В этом отношении не случайно, что биография автора становится осознанным культурным фактом именно в те эпохи, когда понятие творчества отождествляется с лирикой» [5; С. 368].

«Таким образом, к началу XIX в. в русской культуре утверждается мысль о том, что именно поэт, в первую очередь, имеет право на биографию. Частным, но характерным штрихом при этом являлся утвердившийся обычай прикладывать к сочинениям портреты авторов» [5; С. 370].

Замечания Лотмана, сделанные на материале классической русской культуры, следует с осторожностью экстраполировать на другие культуры и исторические периоды: например, в XX веке предметами биографий становятся самые разные литераторы, включая работающих в повествовательной прозе; уже в раннее Новое время фронтиспис с портретом автора нередко предпосылался изданиям повествовательных, а не только лирических произведений (правда, чаще всего все-таки в стихах, чем в прозе); наконец, Лотман не берет в расчет писательские *автобиографии,* соотношение которых с литературной специальностью автора едва ли не обратно установленному им, – прозаики охотнее создают свои жизнеописания, чем поэты, именно потому, что лучше владеют искусством повествования. Возможны и иные интерпретации лотмановского «закона дополнительности между сюжетностью повествования и способностью реальной биографии создателя текста к мифологизации» [5; С. 368], опирающиеся на другие дисциплинарные традиции. В частности, он сопоставим с социологическим законом, который был выведен Пьером Бурдье и согласно которому в эпоху автономизации литературного поля (то есть, для Западной Европы, опять-таки в XIX веке) так называемые «наивные» художники и поэты – Бурдье не приводит примеров прозаиков-повествователей! – неизбежно включаются в структуру этого поля, а потому не могут оставаться никому не ведомыми людьми: если их биография неизвестна или незначительна, ее выдумывают [9; С. 339-345]. Сходный парадокс отмечал и сам Лотман на примере фиктивных, вымышленных литераторов, таких

как Козьма Прутков: «В XVIII в. существовали поэты без биографии. Теперь возникают биографии без поэтов» [5; С. 371].

Сосредоточив внимание прежде всего на биографическом «кастинге», культурно обусловленном отборе персонажей для жизнеописания, Лотман кратко намечает и типичные формы биографического рассказа, как его мыслят люди разных культур. В XVIII в. такой рассказ сближался либо с бюрократическим послужным списком, либо с собранием анекдотов из жизни. В романтическую же эпоху складывается новая форма биографии – она призвана воссоздавать «акт постепенного самовоспитания, направленного на интеллектуальное и духовное просветление» [5; С. 372], подобно возникшему тогда же воспитательному роману. Эту последнюю форму Лотман и сам развивал в своих биографических работах о Пушкине (1981) и Карамзине (1987): «самовоспитание» изучаемого писателя он трактует как сознательное построение им своей биографии – «план, по которому он строил себя» [6; С.: 12].

Статья Бориса Дубина «Биография, репутация, анкета» (1995) отчасти продолжает размышления Лотмана; в частности, ее заголовок указывает на возможность других – не-биографических – форм культурной интеграции индивидуального жизненного опыта: анкеты (ср. «послужной список» у Лотмана) и репутации (обобщенного образа данного лица; ср. «образ» биографируемого лица по Винокуру). В таких формах жизнь человека осмысливается извне, с точки зрения административных инстанций или же общественного мнения, и не может развернуться в повествование[1]. Настоящая же биография имеет своим предметом «универсальную ценность личностной автономии» и «открытую интерпретацию личности» [2; С. 114, 116]. Она – факт новоевропейской культуры, сознающей личность как автономную и открытую структуру, формируемую самим человеком: «Историю и типологию биографии можно представить как историю и типологию форм самоконституирования личности, умножения типов “я”» [2; С. 102]. Она возникла в бюргерской культуре, привнесшей в нее «символику и семантику жизненного пути», «траекторию достижения» [2; С. 107]. Целенаправленное время *жизненного пути* – важное понятие, неоднократно используемое Дубиным[2], - противостоит неподвижному времени иде-

[1] В другой статье Дубина, «О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования)» [3], показано, как атомизация советского общества заставляла людей строить даже неофициальный рассказ о своей жизни наподобие служебной «автобиографии».

[2] Его нет в «Биографии и культуре» Винокура, хотя его «вчитывает» туда современный комментатор («Винокур видит назначение научной биографии не в традиционном понимании как “жизнеописание”, а в историческом познании *жизненного пути* героя биографии» - [1; С.: 7] предисловие Р.Цейтлина, курсив мой). В статье Лотмана о биографии понятие «жизненный путь» употребляется однажды, в связи с биографией Пушкина, которую сам поэт строил «как творческое деяние» [5; С. 373].

альных личностей-образцов и циклическому времени рыцарских авантюр, которыми ранее формировался жизнеописательный нарратив. Сакральная и аристократическая культурная традиция лучше всего воплощалась в неподвижных символах – «это храм, сцена, картина, герб»; напротив того, новоевропейская биография, как и новоевропейский роман, нарративна, рассказывает о «движении, развитии, “истории”» [2; С. 107].

В этом ее внутреннее противоречие («апория»), ибо «жизненный путь» и особенно «достижение» предполагают некую цель, то есть окончательный, завершенный смысловой строй человека, прошедшего такой путь:

«Это противоречие между императивом целостности, *единства смысла* и императивом длительности, *последовательности его развертывани*... В предельно заостренном виде ситуация формулируется так: смысл не может быть рассказан (тем менее – показан), поскольку относится к другому плану (типу) реальности, чем рассказ…» [2; С. 104].

Самовоспитание личности, которое воссоздается в современной биографии (по Лотману и Дубину), в принципе бесконечно, никогда не достигает идеальной полноты и соответственно не может быть до конца изложено: «личность... невыговариваема, неисчерпаема в повествовании и недостижима, невоплотима на письме» [2; С. 109]. Доводить ее до окончательной формы приходится уже не герою, а автору «биографического дознания» [2; С. 117] - «биографу-Прокрусту» [2; С. 119], который превращает факты чужой жизни в связное повествование, «в исполняющееся пророчество» [2; С. 118], насыщенное внутренними перекличками (отсюда важность начала и конца – глав о детстве героя и его смерти), аллегорическими мотивами, отсылающими к идеальному типу данного персонажа. «Биограф сам загадывает себе загадки, сам же их – собственные – и решает. Он задним числом, из будущего, вводит в биографию героя отсутствующего в ней себя» [2; С. 119].

Чтобы избежать такой иллюзионистской повествовательной логики, насильственно романизирующей жизнь исторического лица, следовало бы, по предложению Дубина, систематически принимать в расчет не только положительные, то есть позитивно регистрируемые факты его биографии, но и моменты значимой негативности (не в морально-оценочном, а в социально-семиотическом смысле). Сходный, структуралистский по духу, призыв был и у Лотмана, предлагавшего учитывать в биографическом «романе-реконструкции» «не только то, что было сделано строителем, но и то, что он отверг, не захотел сделать или хотел, но не смог» [6; С. 10, 11]. А социолог Дубин указывает некоторые объективно-социальные факторы творческой негативности, позволяющие людям противопоставлять себя

господствующим стереотипам культуры: неофициальные, диссидентские общности, в рамках которых утверждают себя их члены, различные виды игрового поведения, отрицающего принятые нормы в самом акте их обыгрывания. Чтобы верно повествовать об истории людей, биограф должен включать в свой рассказ такие «отсутствующие реальности», «отрицательные величины», «черные дыры», «отказные действия» [2; С. 111].

Итак, три теоретика биографии, кратко рассмотренные выше, каждый со своей стороны формулируют параметры нарративного мимесиса, определяющие «биографию как самосознание (самоорганизацию) и биографию как повествование (репрезентацию» [2; С. 100]. Биография складывается в личном опыте человека, переживающего свою жизнь как смысловую целостность («синтаксис», «судьбу»); она аккредитуется культурными институтами, которые выделяют ее из числа других форм представления личности («послужного списка», «анекдота», «репутации») и отбирают «людей с биографией» из числа тех, кто ее не имеет; в своей современной форме она выражает «самовоспитание» личности, которое в свою очередь поддается адекватному пониманию лишь в контексте всего того, что было *и чего не было* (или признавалось небывшим) в исторической культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур, Г., 1997. *Биография и культура. Русское сценическое произношение*. М., Русские словари.
2. Дубин, Б., 2001. *Слово – письмо – литература*. М., Новое литературное обозрение.
3. Дубин, Б.В., 2007. О невозможности личного в советской культуре (проблемы автобиографирования) // *Персональность: Язык философии в русско-немецком диалоге*. М., Модест Колеров. С. 443-452.
4. Зенкин, С., 2012. *Работы о теории*. М., Новое литературное обозрение.
5. Лотман, Ю.М., 1992. *Избранные статьи*. Т. 1. Таллинн, Александра.
6. Лотман, Ю.М., 1997. *Карамзин*. СПб., Искусство – СПб.
7. Томашевский, Б.В., 1923. Литература и биография // *Книга и революция*. 1923. № 4. С.6-9.
8. Шпенглер, О., 1923. *Закат Европы*. М.-Пг., Л.Д.Френкель.
9. Bourdieu, P., 1992. *Les Règles de l'art : Genèse et structure du champ littéraire*. Paris, Seuil.
10. Foucault, M., 1994. Qu'est-ce qu'un auteur ? [1969] // Foucault M. *Dits et écrits*. T. 1. Paris, Gallimard. P. 789-820.
11. Ricœur, P., 1983-1985. *Temps et récit*. T. 1-3. Paris, Gallimard.

REFERENCES

1. Vinokur, G., 1997. Biografiya i kul'tura. Russkoe scenicheskoe proiznoshenie. M., Russkie slovari.

2. Dubin, B., 2001. Slovo – pis'mo – literatura. M., Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Dubin, B.V., 2007. O nevozmozhnosti lichnogo v sovetskoj kul'ture (problemy avtobiografirovaniya) // Personal'nost': YAzyk filosofii v russko-nemeckom dialoge. M., Modest Kolerov. S. 443-452.
4. Zenkin, S., 2012. Raboty o teorii. M., Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Lotman, YU.M., 1992. Izbrannye stat'i. T. 1. Tallinn, Aleksandra.
6. Lotman, YU.M., 1997. Karamzin. SPb., Iskusstvo – SPb.
7. Tomashevskij, B.V., 1923. Literatura i biografiya // Kniga i revolyuciya. 1923. № 4. S.6-9.
8. SHpengler, O., 1923. Zakat Evropy. M.-Pg., L.D.Frenkel'.
9. Bourdieu, P., 1992. Les Règles de l'art : Genèse et structure du champ littéraire. Paris, Seuil.
10. Foucault, M., 1994. Qu'est-ce qu'un auteur ? [1969] // Foucault M. Dits et écrits. T. 1. Paris, Gallimard. P. 789-820.
11. Ricœur, P., 1983-1985. Temps et récit. T. 1-3. Paris, Gallimard.